

УДК 7.046.2+94(497.1)

Антанасиевич И.Н.¹**СЕРБСКИЙ МИФ О «ГРАФЕ РАЕВСКОМ»: ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ²**

Белградский университет, Сербия

Antanasievich I.N.

THE SERBIAN MYTH OF "COUNT RAYEVSKY": THE HISTORY OF ITS ORIGIN

University of Belgrade, Serbia

Аннотация. В статье исследуется сербский миф о «Графе Раевском», как прототип Вронского - героя романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» и как персонаж сербской легенды. Делается вывод, что образ Раевского в сербском сознании создал два мифологических клише: трагический личностный и патриотический, которые лишь частично совпадая с художественным образом литературного героя Л.Н. Толстого, представляют собой отдельный феномен, сформированный на основе сербских фольклорных моделей.

Abstract. The article explores the Serbian myth of "Count Rayevsky" as a prototype of Vronsky, the hero of Leo Tolstoy's novel "Anna Karenina" and as a character in Serbian legend. It is concluded that the image of Rayevsky in the Serbian consciousness has created two mythological clichés: tragic personal and patriotic, which only partially coincide with the artistic image of the literary hero Leo Tolstoy, represent a separate phenomenon formed on the basis of Serbian folklore models.

Ключевые слова: Сербия, Н.Н. Раевский, Л.Н. Толстой, миф, фольклор, церковь

Keywords: Serbia, N.N. Rayevsky, L.N. Tolstoy, myth, folklore, church

Исследуя историю возникновения сербского мифа о «графе Раевском», мы должны его личность – личность полковника Николая Николаевича Раевского (1839—1876), погибшего возле села Горни-Адровац неподалеку от города Алексинац, рассматривать в двух мифологических образах: в качестве прототипа героя романа «Анна Каренина» Л. Н. Толстого и образа «графа Раевского», возникшего и закрепленного в сербской легенде. А для этого мы должны разрешить проблему мифологизации образа, поскольку

¹ Ирина Николаевна Антанасиевич - русский и сербский филолог, литературовед, переводчик.

² Материалы Международной научно-практической конференции «Русско-сербские отношения в контексте формирования многополярного миропорядка: опыт и перспективы». ТулГУ 11 апреля 2025 года. Конференция организована на средства гранта Правительства Тульской области в сфере науки и техники. Постановление Правительства Тульской области от 23.12.2024 № 699 «Об итогах конкурса грантов Правительства Тульской области в сфере науки и техники 2024 года». Договор на выполнение работы ДС/171 от 28 декабря 2024 г.

художественный образ и народная легенда - это нарративы различной этиологии, несмотря на то, что Е. М. Мелетинский пытался снять внутреннее противоречие, замечая, что «мифологизм... и художественный прием, и стоящее за этим приемом мироощущение» [1, с. 295]. Но в художественном тексте мифологема, будучи «единицей мифологической системы, имеющей самостоятельную семантику» [2], играет функцию концепта - т.е. содержательной единицы, смысловое значение которой зависит от художественных требований – задач - идеи произведения (осознанная форма реализации), а в фольклорном тексте она скорее конструкт, создаваемый и находящийся в онтологическом равенстве с реальностью.

Образ Николая Николаевича Раевского, закрепившийся в народной легенде и в художественном произведении - при всей схожести имеют несколько иной механизм моделирования: в одном случае это социальное и коллективное действие, в другом - творческое и личностное. С другой стороны, образ «графа» Раевского, сформировавший отдельно от художественного образа Вронского со временем ощутил и его влияние, но и повлиял на филологические споры о прототипе Вронского³, систематизацию которой сделал историк А.Л. Шемякин, который «бесплотный образ» сделал реальным, доказав, что: «..у графа Алексея Вронского был реальный прототип, который действительно погиб в Сербии» [3].

Под влиянием художественного текста романа народная легенда о герое-защитнике получила дополнительное наполнение романтического (даже любовного содержания): сердечки, записочки, цветы красного цвета, которые оставляют на могиле возле монастыря св. Романа, где по легенде похоронено сердце Раевского - это вторичная мифологема, начало которой относится к периоду середины 90-х годов, когда, с одной стороны, возникает вопрос о реставрации церкви в местечке Горни-Адровац (где был похоронен первоначально Н.Н. Раевский), а с другой – начинаются действия по передаче церкви монастырю св. Романа, для того, чтобы возродить сам монастырь.

Первоначально легенда о «графе Раевском» являлась отражением мифа о герое-защитнике, и опиралась на фольклорный образ русского-Руса, сформированного в рамках сербского мифа «о русских братьях».

Жизнь реального полковника Николая Николаевича Раевского (семья Раевских имела высокий социальный и военный статус, но титула графа у них не было, хотя, по

---

³ «До романа Толстого фамилия Вронский встречается в наброске А.С. Пушкина «На углу маленькой площади», послужившем автору одним из источников замысла произведения». См.: Моисеева Г.Н. Образ Вронского в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» (О литературном прототипе) // Классическое наследие и современность. Л., 1981.

ассоциации с их знатностью и близостью к императорскому двору, им иногда приписывается графский титул) более близка сербской легенде о русском брате-защитнике и довольно далека от художественного образа Вронского, который (что подчеркивает несколько раз Толстой) едет не для помощи сербам, а для того, чтобы умереть: «...Нет, благодарю вас; для того чтоб умереть, не нужно рекомендаций. «Нешто к туркам...» — сказал он, улыбнувшись одним ртом. Глаза продолжали иметь сердито-страдающее выражение».⁴

Сердито-страдающее выражение глаз Вронского автор объясняет не страданием, связанным с положением притесняемых сербов и даже не с моральными страданиями личного характера, а банальной зубной болью, которая появилась как деталь, чья метафорика и символическая неоднозначность весьма значительны и сродни головной боли Понтия Пилата в романе Булгакова: «- Я, как человек, - сказал Вронский, - тем хорош, что жизнь для меня ничего не стоит. А что физической энергии во мне довольно, чтобы врубиться в каре и смять или лечь, — это я знаю. Я рад тому, что есть за что отдать мою жизнь, которая мне не то, что не нужна, но постыла. Кому-нибудь пригодится. И он сделал нетерпеливое движение скулой от непрерывающейся, ноющей боли зуба, мешавшей ему даже говорить с тем выражением, с которым он хотел».⁵

Кроме этой детали в сценах, посвященных отъезду Вронского, Л.Н. Толстой настойчиво употребляет и еще одну деталь - образ осы, полетевшей на мед и погибшей: «- А ты знаешь, Костя, с кем Сергей Иванович ехал сюда? - сказала Долли, оделив детей огурцами и медом. - С Вронским! Он едет в Сербию. - Да еще не один, а эскадрон ведет на свой счет! - сказал Катавасов. «Это ему идет» — сказал Левин. - А разве все идут еще добровольцы? - прибавил он, взглянув на Сергея Ивановича. Сергей Иванович, не отвечая, осторожно вынимал ножом-тупиком из чашки, в которой лежал углом белый сот меду, влипшую в подтекший мед живую еще пчелу»⁶.

И далее: «- Ну, это-то как понять? Ради Христа, объясните мне, Сергей Иванович, куда едут все эти добровольцы, с кем они воюют? - спросил старый князь, очевидно продолжая разговор, начавшийся еще без Левина. С турками, - спокойно улыбаясь, отвечал

---

⁴ Здесь и далее цитируется по изданию: Лев Николаевич Толстой, Собрание сочинений в 22 томах, том 9.М., 1982, с. 376-377

⁵ Там же с. 377

⁶ Там же с. 403

Сергей Иванович, выпроставши беспомощно двигавшую ножками, почерневшую от меда пчелу и ссаживая ее с ножа на крепкий осиновый⁷ листок».⁸

Л.Н. Толстой в данной сцене более красноречив в деталях, нежели в самой дискуссии. Образ осы, именно осы, а не пчелы («- Костя, смотри, это пчела! Право, нас искусают!- сказала Долли, отмахиваясь от осы.- Да это и не пчела, это оса, - сказал Левин⁹), существа «не-рабочего», живущего по другим законам, делает действия Вронского-осы так отличными от действий Левина-пчелы¹⁰, и нивелирует всех, идущих на войну: «Значит, по моему, - сказал начинавший горячиться Левин, - что в восьмидесятимиллионном народе всегда найдутся не сотни, как теперь, а десятки тысяч людей, потерявших общественное положение, бесшабашных людей, которые всегда готовы - в шайку Пугачева, в Хиву, в Сербию...».¹¹

В романе Льва Толстого «Анна Каренина» спор о пчелах и осах возникает в сцене светского ужина (Часть IV, Глава 12), где обсуждаются актуальные темы, включая сербско-турецкую войну (1876–1878) и участие русских добровольцев. Один из гостей, Песцов, заводит разговор о различии между пчелами и осами, что на первый взгляд кажется случайной темой. Однако в контексте разговора о добровольцах, отправляющихся в Сербию, этот спор несет символическую нагрузку. Пчелы традиционно ассоциируются с трудом, порядком и коллективной пользой, тогда как осы — с праздностью, агрессией и бесполезностью.

В этой сцене Песцов, увлеченный «женским вопросом» и либеральными идеями, спорит с другими гостями, а тема пчел и ос становится метафорой для обсуждения социальных ролей и мотивов людей, включая добровольцев. Некоторые гости с энтузиазмом поддерживают идею помощи сербам, но их пыл воспринимается другими как поверхностный, модный порыв, а не искренний патриотизм. Именно здесь можно увидеть намек на «ос» как на добровольцев-бездельников — тех, кто едет на войну не из глубоких убеждений, а ради славы, приключений или следуя общественной моде.

---

⁷ Выбор листка - осиновый, также имеет свою символику в контексте романа: см. сцену охоты Левина и Облонского.

⁸ Там же с. 403.

⁹ Там же с. 403, что особенно значительно поскольку до этого эпизода идет описание сельской жизни Левина и улья с рабочими пчелами.

¹⁰ См. сцену из романа: деление пчел на виды у Левина на пасеке: «В ушах не переставая отзывались разнообразные звуки то занятой делом, быстро пролетающей рабочей пчелы, то трубящего, празднующего трутня, то встревоженных, оберегающих от врага свое достояние, собирающихся жалить пчел-караульщиц». Причем сам Левин ассоциируется с рабочей пчелой.

¹¹ Там же с. 406

Многие, говоря о сходстве Раевского с Вронским, в качестве аргумента используют это желание Вронского умереть с фактом, что Раевский случайно оказался в Сербии и пробыл в ней всего 14 дней.

В действительности Николай Раевский еще в 1867 году совершил поездку на Балканский полуостров, поскольку рано почувствовал интерес к судьбам славянских народов (интерес зародился еще в студенческие годы, в кружке и под влиянием И. С. Аксакова). В 1867 г. в качестве основной задачи Раевский определил вербовку волонтеров и доставку оружия из Молдавии, Валахии и Сербии через Варну и Бургас, где с этой целью следовало держать специальных агентов. В апреле Раевский, тогда штаб-ротмистр, побывал в Бухаресте, где вступил в контакт с болгарской «Добродетельной дружиной», ставившей целью освобождение своей страны от турецкого ига. «По просьбе некоторых константинопольских болгар» он составил «Проект организации восстания на Балканах»¹².

Вторую же половину мая и начало июня 1867 года Раевский провел в Сербии и Боснии [4]. Поездка по западным Балканам была одобрена на самом высоком уровне - в белградском архиве сохранились четыре письма русского офицера военному министру Сербии Милюе Петровичу-Блазнавцу [5, с.185-201]. Так что Сербия и Балканы для Раевского не случайный выбор. В качестве подтверждения приведем и тот факт, что Раевский одним из первых (22 февраля 1869 г.) вступил в члены Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества [6].

Выбор Раевского был не случайным актом патриотического воодушевления или отчаянным жестом разочарованного человека - он был продуман до деталей.

Кроме того, в романе присутствует несомненная полемика с Достоевским, с которым автор расходился по славянскому вопросу и по вопросу этичности добровольческого корпуса генерала Черняева (в романе с желающим просто умереть Вронским появляется еще один доброволец - проигравшийся в пух и прах Яшвин). По Толстому добровольческая армия — это собрание случайных людей, решавших свои проблемы походом в Сербию, что не совпадает с реальными фактами, свидетельствующими что для Раевского как русского офицера важен был именно этический аспект - он намеревался «взять с собой достаточную сумму денег, дабы явиться в Сербию волонтером, ни в чем не нуждающимся, а не авантюристом, продающим свои услуги сербскому правительству»¹³.

Создание сербского образа Раевского-Вронского создавалось постепенно.

---

¹² Цитируется по: Шемякин А. Смерть «графа Вронского», который использовал Архив отдела письменных источников Государственного Исторического Музея. Ф. 208 (М. Г. Черняев). Д.17. Л. 1-4.

¹³ Цит. по статье А. Шемякина, который использовал Архив Раевских. Том 5. Пг. 1915. С. 605.

В первом, вышедшем в журнале «Отечество» (Отацбина)¹⁴ в 1880 году, художественно-документальном очерке «На границе» Владана Джоржевича, образ Раевского еще не закреплен как образ героя-защитника и его пребывание и роль в армии Черняева описывается как столкновение двух стратегий – Черняева и лично Раевского, где

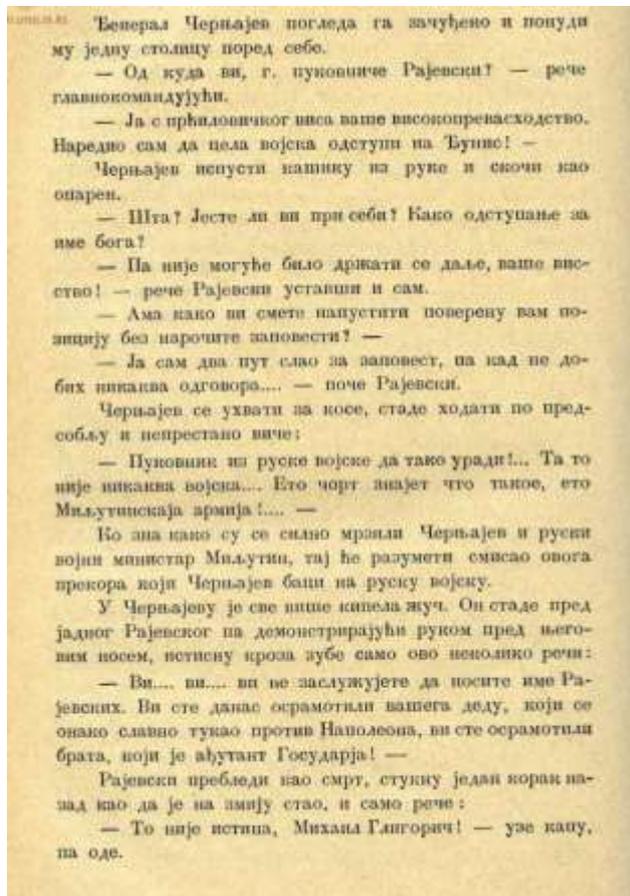

Рисунок 1

Раевскому главное доказать, не правильность своей военной стратегии, а то, что он достойный потомок известного рода¹⁵. Текст рисунка 1 может быть переведен следующим образом: Генерал Черняев удивленно посмотрел на него и предложил стул рядом с собой. - Откуда вы, господин Раевский? — спросил главнокомандующий.

— С Прилиовичской высоты, ваше высокопревосходительство. Я приказал всей армии отступить к Джунису!

Черняев выронил ложку из руки и вскочил, словно ошпаренный.

— Что? Вы в своём уме? Какое отступление, ради Бога?!

— Дальше держаться было невозможно, ваше превосходительство! — тоже поднявшись, ответил Раевский.

— Да как вы посмели оставить вверенную вам позицию без особого приказа?!

— Я дважды посылал за приказом, но, не получив никакого ответа... — начал Раевский.

Черняев схватился за голову и зашагал по приёмной, восклицая без остановки:

— Полковник русской армии не имеет права так поступать! Да это не армия... Это черт знает что! Это какая-то.. Милутинская армия!..

Кто знает, как сильно ненавидели друг друга Черняев и русский военный министр Милутин, тот поймет смысл этого упрёка, брошенного Черняевым в адрес русской армии.

¹⁴ Универзитет у Београду Универзитетска библиотека „Светозар Марковић“

¹⁵ Похожим образом описывается и в очерке «Из воспоминаний одного добровольца» (П. Тодорович), опубликованном в журнале «Рад» (октябрь, ноябрь и декабрь 1881), стр. 317

В Черняеве все сильнее закипала злость. Он встал перед бедным Раевским, и, размахивая рукой прямо перед его носом, процедил сквозь зубы:

— Вы... вы... вы недостойны носить имя Раевских. Сегодня вы опозорили своего деда, который героически сражался против Наполеона. Вы опозорили своего брата, адъютанта Государя!

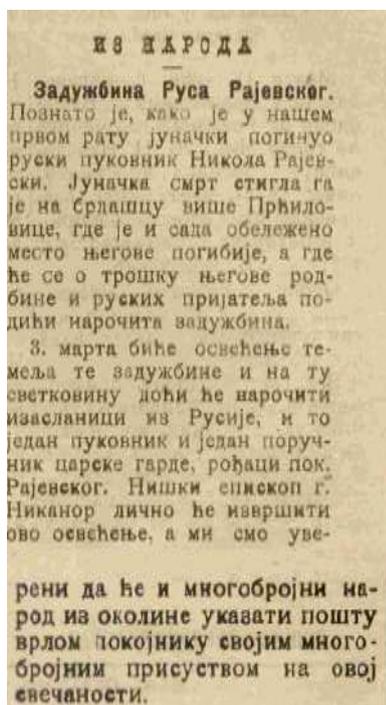

Рисунок 2

Раевский побледнел, как смерть, отступил на шаг, словно наступив на змею, и произнес:

— Это неправда, Михаил Григорьевич! — После чего взял шапку и ушёл.

Похоже описывается Раевский и в «Военном дневнике солдата второго разряда» (Ратни дневник дугокласца) вышедшем в журнале «Отечество» (Отацбина)¹⁶ в 1881 году. В этом тексте он именуется князем Раевским.

И в одном, и в другом очерке смерть Раевского связывается со смертью майора Стеве Велимировича, который погиб (версия: убил себя), причем обе смерти рассматриваются и как трагическая случайность и как результат пылкости характера.

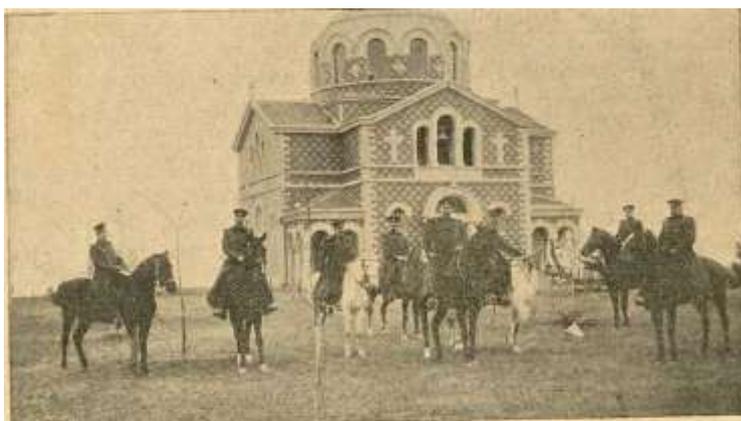
В том же журнале в очерке «Черняев в Сербии» имя Раевского не выделяется в ряду перечисленных остальных имен. Наоборот, более комплементарного определения удостоивается Николай Киреев (майор, погибший на горе Раковница). Соединяет оба имени и архимандрит Никифор Дучич в своей речи во время установления памятника на Руявице:

«Среди многочисленных русских воинов, отдавших свою жизнь на сербском поле боя, в первую очередь стоят два русских дворянина, два рыцаря: Киреев и Раевский. Да, они героически пали, и осталась навеки слава и вечная память об их именах в сербском и русском народе!»¹⁷.

¹⁶ Универзитет у Београду Универзитетска библиотека „Светозар Марковић“

¹⁷ В оригинале: «Међу многобројним руским борцима, који жртвоваше живот на српском бојном пољу, у првом су реду два руска плећна, два витеза: Киријев и Рајевски. Да, они јуначки погибоше, и оставише својем имену славан и вјечит спомен у српском и руском народу!» Цит.по: Свечаност одкрића споменика на Рујевици код Алексинца 8. новембра 1880. изгинулим руским добровољцима у српско-турском рату 1876. год, Београд, 1881, стр.26

На мифологизацию образа Раевского повлияло строительство церкви в местечке

Офицери III. брдског артиљериског пука код адровачке цркве, подигнуте на месту, где је погинуо храбри Рајевски.

Рисунок 3. Фотография из журнала «Неделя» 1909 г.

Горни-Адровац и создание общества памяти. Так газета «Мале новине» за 25 февраля 1902 года пишет статью «Фонд Руса Раевского», где имя Раевского выдвигается в первый ряд имен – защитников Сербии, а использование Рус вместо имени делает образ уже мифологическим.

Рисунок 4

Далее все печатные издания просто подхватывают и продолжают создавать новый образ эпического героя-защитника: о том, что в честь Раевского на месте его гибели будет установлена церковь сообщает белградская газета «Дневник» 15 декабря 1901 года, публикуя года был объявлен конкурс на строительство храма. Победителем конкурса стал итальянский подрядчик Джузеппе Коллар, проживавший в Нише. С ним 3 января 1902 года был заключен официальный договор, и уже спустя полтора года строительство было завершено.

Первоначально церковь не имела яркой окраски. Вот как ее описывает русский императорский дипломат М. Горянов, присутствовавший на освящении и торжественном открытии храма 2 сентября 1903 года:

«Храм возведен в поздневизантийском стиле, с сильно

«Храм возведен в поздневизантийском стиле, с сильно

выпуклым, но небольшим куполом. Расположенный на возвышенности и выкрашенный в белый цвет, он рельефно выделяется на фоне окружающей густой зелени».¹⁸

Позднее церковь была выкрашена в жёлтый цвет и получила в народе название «желтая церковь».

В период между 1905 и 1910 годами на фасаде была установлена облицовка в виде мозаики с чередующимися желтыми и темно-красными полями, после чего ее стали называть также «пестрая церковь» (шарена црква). Одновременно на внешние арочные элементы были установлены черные и желтые плитки. Епископ Нишский Досифей и русский консул С. Чехотин перед церковью¹⁹ (Рис. 4. На обороте фотографии указана дата - 20.08.1913 г.)

Во время Первой мировой войны, в годы болгарской оккупации Поморавья, церковь была разграблена. После войны храм был восстановлен, и богослужения продолжились. Срочный ремонт был начат благодаря средствам (2 100 динаров), собранным Императорской российской миссией, продолжавшей свою деятельность в Белграде. Все строительные работы на месте выполнил подрядчик из Црной Травы — Сима Йович [7, с. 225].

В 1922 году был составлен проект ремонта церкви, и в бюджете на 1924/25 год Министерство вероисповеданий утвердило выделение определённых средств на восстановление²⁰.

Согласно документу из Архива города Ниш и сохранившемуся письму Королевской банской управы Моравской бановины (№ 7527), 25 декабря 1930 года была объявлена официальная заявка на реставрацию храма. В конкурсе приняли участие три подрядчика, а 1 мая 1931 года работы по благоустройству церкви были поручены Благоевичу Сотире из Ниша.

Обновление работы церкви в 30-е годы привлекает журналистов, которые начинают объединять несколько историй, создавая свои мифы. Так, газета «Правда» в статье 11 мая 1939 года (журналист С. Груйич), хоть и не упоминает роман Толстого, но (опосредовано) создает миф о молодом человеке, который не умел воевать, и которого держать в руках боевое оружие научил серб (с внуком этого серба журналист встречался и описал эту встречу, что дало оттенок документальности при создании этой легенды):

---

¹⁸ Цитата приведена по работе А. Шемякина, пользовавшегося архивом Министерства иностранных дел Российской империи — Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), Фонд Политархив, дело 495 за 1902 год, лист 165 об

¹⁹ Архив города Ниш, ин. номер 1570

²⁰ Архив Югославии, Министерство юстиции, дела 69–81

В той же газете «Правда» за 27 апреля 1940 год уже имя Раевского связывается с

Рисунок 5

именем Вронского (рецензия на творчество русской эмигрантки Орловой - Павлович). Продолжает эту традицию и послевоенная печать

(например, газета «Борба» 6.07 1957 года печатает большой очерк о Николае Николаевиче Раевском под заголовком: «Герой Толстого в Сербии»).

В 1973 году было принято решение внести церковь в список культурно-исторических памятников, находящихся под охраной государства. Институт охраны памятников в Нише 15 мая 1973 года издал постановление, согласно которому Церковь в Горнем Адровце, зарегистрированная в Кадастре по владельческому листу №91, КО Горњи Адровац, муниципалитет Алексинац, кадастровый участок №1542, получает статус памятника культуры (в 1976 г начинаются реставрационные работы), что опять же вызывает интерес журналистов, описывающих гибель Раевского, связывая его с романом Л.Н. Толстого²¹.

Все же окончательно завершают создание образа Раевского-Вронского по всей видимости журналисты и исследователи 90-х- начала 2000 годов²². А далее развитие образа в литературе уже идет своим путем. Например, в книге «Сербский народ, сербская земля, сербская духовность» особым образом соединяются образы Н. Раевского и Джузеппе Барбанти Бродано, который сообщает о его гибели [8]. Сам Бродано²³ также был добровольцем в сербско-турецкой войне и по возвращении он опубликовал книгу «На Дрине. Воспоминания и славянские исследования» (1878), в которой описал свои впечатления.²⁴

В постмодернистском романе хорватского писателя Неделько Фабрио «Смерть Вронского» (1994) Вронский приезжает на Балканы в разгар гражданской войны 90-х годов

²¹ См. статью в газете «Борба» за 6.06.1973 год.

²² Книги: «Пуковник Рајевски» Радована Благојевића (1995), «Вронски у Адровцу» аутора Стојана Јовића (2003) и ряд статей.

²³ Джузеппе Барбанти Бродано (Giuseppe Barbanti Brodano) — итальянский архитектор, инженер и строитель, работавший в конце XIX – начале XX века, в том числе на территории Сербии. Он известен как один из представителей итальянской диаспоры в Сербии, принимавших участие в возведении общественных и культовых сооружений.

²⁴ На Дрине. Воспоминания и славянские исследования (Su la Drina. Ricordi e studii slavi), 1878. Она была переиздана в 1958 году в Белграде под названием «Гарибальдийцы на Дрине, 1876».

в Югославии, танцует голым при Луне, жжет чучело Папы римского, влюбляется в проститутку, а в итоге подрывается на mine.

Сербский писатель Добрило Ненадич пишет трилогию о сербско-турецкой войне, а первый роман носит название «Сабля графа Вронского»²⁵ рассказывая историю от лица писателя бульварных романов Еврема Весича.

Существует и пьеса «Тринадцатый день» (2003) сербского драматурга Зорана Костича, где действует уже сам Николай Раевский в качестве героя легенды: он, сопровождаемый духом Анны Карениной, воюет на стороне сербов, влюбляется в сербскую девушку Соню, которую призрак Анны ревнует и умирает, сраженный пулей, не в силах сделать выбор между реальной и призрачной возлюбленной.

Главными героями своей антологии рассказов «Каренина и Вронский в задымленной корчме» (2015) писатель Ранко Павлович также делает главных героев романа Толстого и, используя их образы, показывает сербское прошлое и настоящее.

Таким образом возникшие легенды заменили реальную личность и смешали ее с литературным образом так, что разделить их ныне практически невозможно.

Появился миф, который живет своей жизнью, обрастает своими преданиями, собственными легендами и мистическими деталями: например, русский рассказ о роковом для Раевского пароходе «Делиград», который привез живого Раевского в Сербию и который увез его уже мертвого в Одессу. А сербы в свою очередь рассказывают, что фейерверкер А. Станоевич, который в момент гибели Раевского вынес его тело из-под огня турок, в свое время получил от Анны Михайловны Раевской 100 рублей (400 динаров по тогдашнему курсу) и эти, немалые по тем временам деньги, употребил не на собственные нужды, а по легенде, на устройство колодца по дороге из Пожаревца в село Дубровица, в память о русском офицере.

Образ Раевского в сербском сознании создал два мифологических клише: личностный - трагический образ и славянско - патриотический, причем оба лишь частично совпадают с художественным образом героя Толстого, а являют собой отдельный феномен, при формировании которого используются глубокие сербские фольклорные модели создания культурного героя - Руса, пришедшего на помощь братьям и погибшего за их свободу.

---

²⁵ Трилогия о сербско-османских войнах: «Сабля графа Вронского» (2002), «Победници» (2004), «Мрзоволя кнеза Бизмарка» (2005)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мелетинский, Е.М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. – М., 2000. С. 295
2. Топорков, А. Л. Мифологема // Словарь научной и народной терминологии: Восточнославянский фольклор – Мн., 1993.
3. Шемякин А. Смерть «графа Вронского» // Родина, 2003. № 1.
4. Модзалевский Б. Л. Предисловие //Архив Раевских. Том 5. Пг. 1915. С. V-VI.
5. Поточан Б. Пуковник Рајевски о Србији, Даница. Београд. 1998. С. 185-201.
6. Поточан Б., Вронски у Србији : мисије пуковника Рајевског 1867. и 1876. године, Београд: Завод за уџбенике, 2017
7. Љильана Ђуровић, «Српска православна црквена општина пуковника Рајевског - храм Свете Тројице у Горњем Адровцу (1901-1946)», Пешчаник бр. 6, Ниш 2008., стр. 225
8. Српски народ, српска земља, српска духовност», приређивање Р. Дамјановић, Н.Томић, С. Чосић, Итака, Београд, 1996

REFERENCES (transliteration from Russian to English)

1. Meletinskij, E.M. Poetika mifa / E. M. Meletinskij. – M., 2000. S. 295
2. Toporkov, A. L. Mifologema // Slovar' nauchnoj i narodnoj terminologii: Vostochnoslavyanskij fol'klor – Mn., 1993.
3. Shemyakin A. Smert' «grafa Vronskogo» // Rodina, 2003. № 1.
4. Modzalevskij B. L. Predislovie //Arhiv Raevskih. Tom 5. Pg. 1915. S. V-VI.
5. Potochan B. Pukovnik Rajevski o Srbiji, Danica. Beograd. 1998. S. 185-201.
6. Potochan B., Vronski u Srbiji : misije pukovnika Rajevskog 1867. i 1876. godine, Beograd: Zavod za ucbenike, 2017
7. Љильана Ђуровић, «Srpska pravoslavna crkvena opshtina pukovnika Rajevskog - hram Svete Trojice u Gorњem Adrovцу (1901-1946) », Peshchanik br. 6, Nish 2008., str. 225
8. Srpski narod, srpska zemља, srpska duhovnost», prireђивање R. Damjanoviћ, N.Tomiћ, S. Chosiћ, Itaka, Beograd, 1996

Рецензент: Гриценко Е.П. - кандидат культурологи, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела ФГБУК «Государственный мемориальный и природный заповедник «Музей-Усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна»